

УДК 811.161.1
DOI 10.17223/18137083/70/20

Е. В. Откидыч

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Прагматический потенциал текстовой скрепы *кстати*

Статья посвящена исследованию прагматического потенциала текстовой скрепы *кстати*. Отмечается перспективность прагматического подхода к изучению служебных слов вообще и актуальность изучения прагматического потенциала конкретных служебных единиц в частности. Выделяются четыре основных элемента прагматического потенциала исследуемого слова: юнкция (и прогностика юнкции), факультативность, субъективность и неожиданность. Делается вывод о том, что каждый из компонентов прагматического потенциала исследуемого слова имеет особенности реализации, но все вместе они составляют неразрывное коммуникативно-прагматическое единство, обуславливающее особенности синтаксического функционирования скрепы *кстати*.

Ключевые слова: синтаксис, прагматика, прагматический потенциал, текстовая скрепа, скрепа *кстати*.

В центре нашего внимания находятся прагматические особенности текстовой скрепы *кстати*. Отметим, что сами по себе текстовые скрепы еще не вполне изучены, в научной среде пока не выработано их единого понимания. Так, М. И. Черемисина использует его достаточно широко: она включает в него все служебные слова, формирующие сложное предложение (в том числе и союзы) [Черемисина, Колосова, 1987, с. 179]. Отчасти продолжает эту традицию Н. Б. Кошкарева (см., например: [Кошкарева, 2015]). А в терминологии других исследователей сходные единицы получают иные названия: «коннектор» – у Д. Дресслера [1978], «релятив» – у М. В. Ляпон [1986], «дискурсивное слово» – у Д. Пайра и его соавторов [Дискурсивные слова русского языка..., 1998]. Н. П. Перфильева, указывая на способность многих скреп сочетать в себе функции вводных слов и межфразовых скреп (в терминологии автора), говорит о метатекстовых скрепах, или скрепах-метапоказателях [Перфильева, 2014]. В своей работе мы будем использовать определение, данное в статье А. Ф. Прияткиной и Е. А. Стародумовой «Текстовые скрепы в “Словаре служебных слов”»: «Текстовая скрепа – это слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь вы-

Откидыч Елизавета Владимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (ул. Суханова, 8, Владивосток, 690091, Россия; vadimovna001@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 1
© Е. В. Откидыч, 2020

сказываний и обозначающий определенный тип отношения» [Прияткина, Стародумова, 2015, с. 135].

Деятельностный, акциональный принцип прагматики и ее «коммуникатороцентричность» оказались весьма эффективными при изучении служебных слов. Более того, по замечанию Н. Д. Арутюновой, именно изучение некоторых недекриптивных слов подготовило почву для формирования теоретических основ прагматики, переключило «внимание с пропозиции на субъективную часть высказывания, связывающую с личностью говорящего» [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 5].

Одной из основных причин продуктивности прагматического подхода к изучению служебных слов является тот факт, что слова, связывающие смысл предложения с говорящим, обладают тонкой контекстной чуткостью [Там же, с. 7]. Поэтому многие исследователи сходятся во мнении, что эти единицы совершенно невозможно изучать без контекста, «прагматического окружения», в отличие от слов с дескриптивным значением (см. об этом: Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, А. Н. Баранов, Б. П. Паршин, Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Г. Борисова и др.). Таким образом, прагматика оказывается едва ли не единственным эффективным инструментом для исследования служебных слов и выявления их реальных текстовых функций и семантических аспектов.

Отметим, что текстовые скрепы традиционно изучаются с точки зрения их синтаксического функционирования (см. работы А. Ф. Прияткиной, Е. А. Стародумовой), причем в основном точно, через описание конкретных единиц, и главным образом представителями дальневосточной синтаксической школы (см., например, работы Г. Н. Сергеевой, Т. А. Жуковой, Г. М. Крыловой, П. М. Тюрина, Л. Г. Шишмаревой, Е. А. Шнырик). Одновременно с этим очень многие исследования в области прагматики служебных слов посвящены лишь общим вопросам коммуникативных особенностей этих слов как класса (см., например: [Баранов, Паршин, 1990; Богданова-Бегларян, 2014; Кобозева, 2009; Крейдлин, Поливанова, 1987; Япон, 1986; Дискурсивные слова русского языка..., 1998; Перфильева, 2014] и др.), прагматический же потенциал конкретных единиц, в частности скрепы *кстати*, является новой и практически не изученной темой: в той или иной степени она затрагивалась в работах «Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания» [1998], «Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений» [Япон, 1986], «Метатекст в тексте» [Вежбицка, 1978], однако системного развития и объяснения пока не получила. Указанный круг проблем и составляет актуальность нашей работы.

Материалом для исследования послужили тексты современной художественной литературы и публицистики, в том числе извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также записи живой устной монологической и диалогической речи, фрагменты смс-переписки, развлекательные и юмористические тексты интернет-ресурсов (всего около 150 употреблений).

Мы выделяем четыре аспекта, составляющих прагматический потенциал текстовой скрепы *кстати*: 1) юнкция (прогностика юнкции); 2) факультативность; 3) субъективность; 4) неожиданность. Рассмотрим каждый из них подробно.

1. Юнкция (прогностика юнкции). Основной функцией скрепы *кстати*, как и любой другой единицы указанного класса, является соединение фрагментов текста и – таким образом – реализация текстовой категории связности. Существует определенная взаимосвязь указанной функции и внутренней формы исследуемой скрепы.

Слово *кстати* представляет собой результат лексикализации сочетания предлога *к* и формы дательного падежа существительного *стать*, которое, согласно «Этимологическому словарю Фасмера», имело наряду со значением «осанка, фи-

гура» также значение «причина, повод, способ» [Фасмер, 1971, с. 748]. Последнее, разумеется, уже практически не осознается современными носителями русского языка, как и формальная сторона – предложно-падежное происхождение слова. Однако возможны единичные случаи употребления «расчлененных» форм, когда говорящий отделяет предлог от существительного, например, местоимением-прилагательным *какой*, причем в «исторически правильной» форме женского рода, например:

– **Кстати**, Мари тоже здесь. Во-он! – показал он подбородком. – Видишь?

– Какая Мари, и *к какой стати*? – не понял Фомин, поворачиваясь.
(Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998) // НКРЯ)

Возможность задать подобный вопрос (*К какой стати?*) свидетельствует еще об одной детали: *кстати* предполагает обязательное наличие связи с предтекстом: адресант не вполне улавливает связь и потому просит адресата дополнительно указать на нее. В следующем примере такое уточнение прямо эксплицировано:

– Иннокентий Петрович, да?

– Я не председатель мандатной комиссии. **Кстати**, вы обещали мне показать свой фокус за ширмой.

– «*Кстати*»? – повторяет Капитонов. – *Есть связь?*

– А как же? В нашем мире связано все и со всем.

(Сергей Носов. Фигурные скобки // НКРЯ)

Особенно интересно отметить, что исследуемая скрепа оформляет не только достаточно сильную анафорическую связь, которая проявляется в требовании хотя бы частичной опоры на предтекст, но и весьма выраженную катафорическую связь, которая проявляется в яркой прогностической функции, хорошо осознаваемой говорящими и даже дающей определенный простор для речевой манипуляции. Так, в Интернете несколько лет назад стала популярна следующая шутка: *Как заинтересовать человека? 1. Скажите / напишите «Кстати». 2. Через пару секунд добавьте: «Хотя нет. Забудь»*¹. Хотя в данном примере исследуемое слово выступает не в качестве скрепы, он, тем не менее, показателен. Текст представляет собой «инструкцию» о том, как, на взгляд автора, следует применять скрепу для достижения определенных манипулятивных целей. Из приведенного фрагмента очевидно: говорящий ясно понимает, что *кстати* выполняет прогностическую функцию, является сигналом продолжения. Таким образом, скрепа дает не только юнкцию, но и «предсказание», ожидание юнкции. Разумеется, это утверждение справедливо и для других скреп, а также прочих единиц, для которых связующая функция является первичной, но именно *кстати* не только предполагает, что далее последует какое-либо высказывание, но и «обещает», что информация, содержащаяся в нем, по каким-либо причинам будет желанна и/или интересна для реципиента.

2. Факультативность. На факультативность информации, являющуюся одним из основных прагматико-смысловых компонентов *кстати* и других похожих единиц, в числе первых обратили внимание А. Вежбицка [1978] и М. В. Ляпон [1986].

В работе «Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений» М. В. Ляпон отмечает, что текстовая скрепа *кстати* (в терминологии автора – релятив) и некоторые другие (*между прочим, впрочем, кстати сказать, кстати говоря*) присоединяют «информацию, прямо не

¹ <https://www.inpearls.ru/631428>; https://pikabu.ru/story/kak_zainteresovat_cheloveka_proverka_posta_httppikaburustory_1933036_1933068 (дата обращения 20.01.2018) и др.

связанную с коммуникативной программой того высказывания, в рамках которого они реализуются. Присоединяемая часть обычно не мотивирована непосредственно предтекстом, строится на свободной ассоциации, – говорящий подчеркивает скорее отсутствие прямой связи, чем наоборот» [Ляпон, 1986, с. 63]. Автор объединяет указанные слова в группу «факультативный комментарий» [Там же, с. 55]. Сходного мнения придерживается А. Вежицка, относящая *кстати* к группе «выражений, которые указывают направление “в сторону”» [1978, с. 404].

Наши наблюдения подтверждают всё вышесказанное. Факультативный комментарий является наиболее распространенным контекстуально обусловленным вариантом скрепы *кстати* [Откидыч, 2017, с. 56] и составляет примерно 55 % от всех употреблений. При этом следует подчеркнуть, что «факультативный» не значит «не обязательный»: информация, поданная в виде такого комментария, чаще всего оказывается важной и для говорящего, и для слушающего. Рассмотрим пример:

Всё собираем из полосочек, нашивая одну на другую. Возникают сложные многоцветные узоры, создающие оптические эффекты. К этому платью добавляем северный головной убор – сороку, и сразу возникает ощущение традиции. **Кстати**, благодаря нам сорока уже продаётся на Арбате: лоскутницы, которые поставляют туда свои модели, увидели у нас эти сороки, стали их тиражировать и выставлять на продажу. Эти же сороки я возила во Францию, и француженки их там с удовольствием покупали. Или вот шаль – европейская деталь одежды, но я её шью традиционным лоскутным способом – квадратами, а все выпадки (лоскутки, обрезки, остатки кроя) собираю по цвету. Нужная деталь костюма – сумочка (Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004 // НКРЯ).

В приведенном фрагменте *кстати* вводит небольшую по объему часть текста (всего два высказывания), но вовсе не факультативную с формально-смысловой точки зрения: на самом деле информация важна для развития тема-рематической прогрессии и позволяет автору приводить дополнительные аргументы в поддержку своей позиции. Мысль скорее оценивается самим говорящим как попутная. Таким образом, факультативность комментария, присоединенного с помощью скрепы *кстати*, оказывается теснейшим образом взаимосвязанной с другим компонентом прагматического потенциала данного слова – субъективностью – и представляет собой не что иное, как след рефлексии говорящего: «то, что я сейчас скажу, возможно, и не самое важное, но, на мой взгляд, должно прозвучать и связано с тем, что выше».

Субъективная оценка говорящим факультативности информации, присоединяемой с помощью *кстати*, хорошо эксплицирована в следующем примере: *Мы / разговаривали / с / друзьями / о / прыжках / с / парашютом // и / один / из / них / сказал // кстати // я / прыгал // **Кстати?! // ты / говоришь / об / этом / как / о / мелочи?! (**Артур Чапарян // программа Stand up, ТВ-канал ТНТ). Внимание и возмущение продуцента вызвало диссонансное, а потому, на его взгляд, неуместное употребление скрепы *кстати* в разговоре о серьезных вещах. Рефлексия адресанта сообщения относительно целесообразности слова *кстати* в данном контексте позволяет выделить пресуппозицию высказывания: «слово *кстати* уместно только в разговоре о мелочах, вещах неважных или необязательных».*

В следующем фрагменте видим весьма похожую ситуацию: *Два / худших / слова / для / расставания / это / «кстати» / и / протяжное / «слушай» (*Андрей Бебуришвили, программа Comedy club, ТВ-канал ТНТ). Здесь также интересна рефлексия говорящего – носителя языка над коммуникативными способностями исследуемого слова. Мнение продуцента аналогично приведенному выше: *кста-*

ти не подходит для разговора о серьезных вещах (как, например, в данном случае – о расставании).

Итак, важно подчеркнуть: факультативность, являясь одним из ведущих компонентов прагматического потенциала скрепы *кстати*, в должной степени условна, так как на самом деле присоединяемый текстовый фрагмент часто объективно семантически и синтаксически не отделим от речевого произведения и важен для коммуникантов, и неразрывно связана с другим компонентом прагматики слова – субъективностью.

3. **Субъективность.** Высказывание, присоединяемое скрепой *кстати*, обычно имеет ассоциативную связь с предтекстом. Механизмы ассоциирования сами по себе достаточно сложны и всегда зависят от целого комплекса речевых, психологических и прочих характеристик говорящего. Именно поэтому ассоциация всегда носит подчеркнуто субъективный характер и часто очевидна для продуцента, но не всегда такова для реципиента. Рассмотрим пример.

– Вы же одесситка?! – с укором спросил меня официант.

– Да, – созналась я.

– Я знаю, я уже уточнил! – не передаваемая на бумаге игра интонации. –

Кстати, с вас книга! – Непререкаемо.

– Хочу камбалу! – издатель. Нервно.

– Нельзя. Я не хочу, чтобы друзья известной московской писательницы-одесситки ели невкусно. А та камбала, что есть, – невкусно. Глосик – вкусно. Я пишу: «Два глосика». Скажите же ему! – обращаясь ко мне (Т. Соломатина. Мой одесский язык).

В приведенном фрагменте комментарий со скрепой *кстати* имеет достаточно условную связь с предтекстом: с помощью высказывания *Вы же одесситка?* говорящий уточняет, правильно ли он узнал собеседницу (*Вы же одесситка?* = *Вы же та самая писательница из Одессы Татьяна Соломатина, о которой я подумал?*), и, когда получает положительный ответ, к следующему высказыванию добавляет *Кстати, с вас книга!* Вербальную экспликацию ассоциация получает, как это ни парадоксально, только в посттексте: упоминается слово *писательница*, и только тогда всё проясняется (*писательница* – *книга*). Однако до этого момента высказывание выглядит «не вполне кстати», так как ассоциативная цепочка, делающая это требование уместным и связанным с ситуацией, сложилась пока только в сознании говорящего, для слушающего она еще не очевидна. При этом комментарий подается как актуальный, поскольку субъективная модальность говорящего его оправдывает. И в этом проявляется еще одно без преувеличения уникальное коммуникативно-прагматическое свойство скрепы *кстати*: присваивать статус «актуального неактуальному», т. е. присоединять информацию, являющуюся актуальной (часто лишь) на субъективный взгляд говорящего.

В ряде случаев актуальность высказывания, присоединенного с помощью скрепы *кстати*, настолько субъективна, что может неодинаково оцениваться участниками коммуникации. Подтверждение этому мы находим в следующих примерах.

<...> Станислав поднялся со скамейки. – Ладно, больной, идите в палату. Я прописываю вам постельный режим. И запомните: никаких женщин! Спать можете только с открытой форточкой.

– Клоун! – улыбнулся Виктор. – Тебя бы в цирк!

– Да, – согласился Крячко. – Хоть дети меня тогда бы любили.

– **Кстати**, как Тяжлов?

– Вот уж совсем не кстати! – Станислав покачал головой. – В реанимации он (Николай Леонов. Лекарство от жизни (2001) // НКРЯ).

Один из участников диалога напоминает другому о персонаже, о котором последний раз говорилось несколько страниц назад. С точки зрения грамматики скрепа нужна, чтобы соединить дальний предтекст с актуальным контекстом. С точки зрения композиции данного художественного произведения комментирующее высказывание необходимо для того, чтобы напомнить читателям о существовании такой сюжетной линии, не дать им ее забыть, но при этом позволить не обращаться к ней какое-то время. Вторым участником речевой ситуации рассматриваемое вопросительное высказывание оценивается как сказанное *не кстати*, не к месту, поскольку второму неприятно об этом думать. Таким образом, коммуникативная целесообразность вопросительного высказывания с *кстати* подвергается сомнению вторым участником коммуникации.

Другой пример взят из смс-переписки:

aaa: Потому что надо носить только удобную обувь. Это тоже сильно влияет на позвоночник.

bbb: вы, доктор, совершенно правы ;)

aaa: ;)

bbb: **Кстати** (хотя, на самом деле, не очень кстати ;) доктор! Знаете ли вы, когда в этом году китайский Новый год?

Вопрос о дате китайского Нового года сам автор оценивает как не вполне уместный, так как он совершенно не связан с уже созданным обоими участниками диалога общим для них обоим контекстом. Вопрос «выдернут» из внутреннего монолога второго говорящего, и он как бы извиняется за подобную неуместность, но субъективной актуальности высказывание при этом не теряет.

Еще пример, на этот раз из устной диалогической речи:

– Там / есть / прямой / проезд // но / по / нему / почему-то / добираться / сложнее // там / лучше / поехать / с / пересадкой / и / выйти / на / одну / станцию / раньше / и / пройти // так / тебе / даже / само / здание / видно / будет [долгая пауза] **Кстати** / надо / завтра / в / банк / сходить/.

– Интересно // а / здесь / почему / кстати?

– Да / не / почему // просто / так // мимоходом // знаешь // галочку / в / голове / поставить // чтобы / не / забыть / потом.

В данном случае один из говорящих наталкивает своей репликой второго на размышления не столько об уместности высказывания, сколько о специфической функции слова *кстати* в нём. И – обратим внимание – вторым говорящим функция исследуемой скрепы осознается в должной степени адекватно. В этом же фрагменте можно увидеть еще одну интересную деталь: происходит прагматическое воздействие не только на слушающего, но и на самого говорящего: «я говорю себе *кстати* и таким образом напоминаю, что надо сделать».

Хотим добавить еще один интересный факт относительно воздействия говорящего с помощью *кстати* на самого себя. В частной беседе с коллегой – кандидатом психологических наук – мы узнали, что существуют методики определения особенностей человеческого характера (или мышления), а также диагностики некоторых состояний через наиболее часто встречающиеся в речи испытуемого слова. Так, психологами отмечено, что частое употребление слова *кстати* характерно для людей эрудированных, обладающих широким кругозором, способных одновременно заниматься множеством вещей, мыслящих нестандартно, но при этом немного поверхностных. Система знаний у них в голове часто не вполне упорядочена, а новые факты и знания добавляются без четкого представления о том, в какой «кластер» их можно логично встроить. И слово *кстати* для людей такого типа является своеобразным способом упорядочивания фактов. Таким образом их сознание через речь диктует самому себе, в какую ячейку (или в какие

ячейки) можно встраивать данную информацию. Одновременно слово *кстати* служит инструментом мышления, образования новых ассоциативных связей (если информация встраивается в «неожиданный» или не вполне подходящий по тематике кластер).

И, наконец, пример из художественной литературы, в котором сам автор странно размышляет о функционировании скрепы *кстати* в своем тексте:

Одолженец предупредительных телеграмм не шлет. Все происходит неожиданно. Человек затевает с тобой беседу на общекультурную или даже космическую тему, внимательно выслушивает тебя, и когда между вами устанавливается самое теплое взаимопонимание по самым отвлеченным проблемам, он, воспользовавшись первой же паузой, мягко опускается с космических высот и говорит:

– *Кстати*, не подкинул бы ты мне десятку на пару недель?

Такой резкий переход подавляет фантазию, и я ничего не могу придумать. Главное, непонятно: почему кстати? Но одолженцы, они такие – им всё кстати (Ф. Искандер. Должники).

В данном случае автором подробно описывается ситуативный контекст, в котором происходит диалог. В самом начале присутствует свернутая авторская оценка того, каким образом будет происходить общение между «должником» и «кредитором» – *неожиданно*. Эта характеристика, на наш взгляд, относится в первую очередь к скрепе, так как именно она в данном случае является основным языковым «ресурсом неожиданности», именно «благодаря» ей слушающий сбивается с толку: после *кстати* он ожидает более логичного продолжения разговора, но, не найдя текстуальной или ассоциативной опоры для комментария, попадает в тупик (*я ничего не могу придумать*). После самого вопросительного высказывания автором комментируется резкая смена темы (*такой резкий переход*): подобное манипулятивное, «незаконное» использование слова *кстати* вызывает у него непонимание и недоумение (*Главное, непонятно: почему кстати?*). Отметим, что в приведенном отрывке автору удалось уловить и исключительно точно, образно и емко описать всю суть функционирования скрепы *кстати* в диалогическом тексте: сначала говорящим подается какая-либо отвлеченная информация, относящаяся к общему для обоих говорящих контексту (пусть даже общекультурному, а не межличностному), а потом вдруг происходит резкий переход – присоединение с помощью *кстати* высказывания, на взгляд говорящего, уместного в данном контексте. Причем слушающий эту точку зрения может не разделять, в ряде случаев это эксплицируется в виде последующих уточняющих реплик. Таким образом возникает неразрывная связь с еще одним компонентом прагматического потенциала текстовой скрепы *кстати* – неожиданностью.

4. **Неожиданность.** Как мы уже отмечали, высказывание, введенное в текст с помощью скрепы *кстати*, всегда ассоциативно связано с предтекстом. Однако часто в силу субъективности информация, вводимая скрепой, может быть достаточно неожиданна.

– Венера – планета любви, – мечтательно сказала Томка. <...>

– Бросьте вы со своей Венерой, – перебил Теткин <...> Нет, у него какая-то другая цель, но какая?

– *Кстати*, – крикнул из-под своего индивидуального шалаша Джапаридзе, – кто знает: спутник Марса, шесть букв, на конце «с»? (И. Грекова. На испытаниях, 1967).

В данном случае вопросительное высказывание с *кстати* опирается на обобщение (*Венера – [планета] – кстати, Марс*). Подобный способ введения информации весьма характерен для скрепы *кстати* и вообще для ассоциативных высказы-

ваний. Ассоциация получается достаточно далекой от основного контекста, однако формально имеющей опору в предтексте. Как мы уже указывали, коммуникативный потенциал скрепы *кстати* таков, что она может делать уместным любой комментарий, даже самый неожиданный, на первый взгляд не имеющий сильной связи с основным содержанием текста. Для диалогической речи, в частности, именно это прагматическое свойство исследуемой скрепы оказывается принципиально важным, поскольку диалог часто бывает не таким логичным и композиционно выстроенным, как монолог. В нём возможны случайные (или кажущиеся таковыми) отвлечения, вставки, включения и резкие смены тем. Мы предполагаем, что этим, в частности, объясняется большое количество вопросительных высказываний с *кстати* в диалогических текстах (45 % от всех употреблений в диалоге – [Откидич, 2017, с. 73]): ведь именно вопросительное высказывание весьма часто служит в диалоге маркером смены темы. И отметим, что исследуемая скрепа нужна как раз для того, чтобы делать отклонения от контекста максимально органичными, чтобы высказывание не слишком ярко контрастировало с контекстом и не «выбивалось» из него. Скрепа помогает сделать высказывание, даже имеющее очень слабую связь с контекстом, уместным, органичным (неактуальное – актуальным), как это уже отмечалось.

Сам факт, что скрепа *кстати* присоединяет неожиданную информацию и тем самым фиксирует смену темы, часто эксплицируется в авторских ремарках:

– А как вы считаете, кто мог убить вашего приятеля? Что могло произойти такого, что его убили? Ваши предположения? – Следователь улыбнулся, помолчал, ожидая ответа, и еще раз сменил тему: – **Кстати**, куда вы его поселили?

– На втором этаже. В гостевую спальню. Она не совсем гостевая (Елизавета Козырева. Дамская охота (2001) // НКРЯ).

Информация и в предтексте, и в самой комментарии с *кстати* касается одного и того же действующего лица (*приятеля – его*), но при этом связь комментария с предтекстом оказывается достаточно условной (в предтексте говорится об убийстве, а в комментарии – о месте проживания). Очевидно, семантического потенциала одной лишь скрепы автору показалось недостаточно, и, чтобы дополнительно оправдать смену темы, он ввел соответствующую ремарку.

Неожиданность возникшей ассоциации может также подчеркиваться словами и словосочетаниями типа *вспомнил, неожиданно сказал, вдруг воскликнул, встретился, включился в разговор, перескочил* и другими показателями «внезапности» речемыслительной деятельности: 1) – **Кстати!** – перескочила Ветка. – Мне тут девки знакомые описали ту бабу, с которой его видели. Ну вылитая твоя Рулева! (А. Иванов. Географ глобус пропил) 2) – **Кстати**, – вдруг спохватился редактор фашистского листка, – вот вы цитировали статью, якобы написанную мной (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог).

Еще одним подтверждением того, что потенциал «неожиданности» априори заложен в значении скрепы *кстати* и более ярко выражен, чем у других скреп, являются статистические данные, полученные нами в результате изучения примеров употреблений в НКРЯ. Возьмем две лексемы, наиболее частотно маркирующие внезапность: наречие *вдруг*, которое в интересующих нас примерах сопровождает глаголы речемыслительной деятельности, и глагол *вспомнить* в форме прош. вр., м. р., который, помимо реализации своего основного значения, в авторских ремарках указывает на внезапно пришедшую говорящему мысль.

По запросу «*кстати* на расстоянии от 1 до 4 от *вдруг*» при снятой омонимии², когда *кстати* употреблено в собственно скреповой функции, индексируется

² Все приведенные данные указаны с учетом снятой омонимии.

24 вхождения. Если же взять близкий синоним *кстати* – скрепу *между прочим*, то обнаружим лишь 5 вхождений. Примерно ту же картину будем наблюдать и при поиске совместных употреблений указанных скреп и слова *вспомнил*: 57 вхождений со скрепой *кстати* против 3 вхождений с *между прочим*. Со скрепой *впрочем*, входящей в один коммуникативно-семантический класс с *кстати* [Ляпон, 1986, с. 55]: *вдруг* – 12, *вспомнил* – 3. Обобщенно приведенные данные представлены в таблице.

Статистика употреблений текстовых скреп *кстати*, *между прочим* и *впрочем* с маркерами внезапности *вдруг* и *вспомнил*
Statistics of using text connectors *kstati*, *mezhdū prochīm* and *vprochem* with markers of suddenness *vdrug* and *vspomnil*

Скрепа	Маркер	
	<i>Вдруг</i>	<i>Вспомнил</i>
<i>Кстати</i>	24	57
<i>Между прочим</i>	5	3
<i>Впрочем</i>	12	3

Составлено по: НКРЯ.

В художественном тексте сама скрепа и ремарка могут функционировать намного глубже и тоньше, чем в предыдущих примерах, – на уровне сюжета и системы образов произведения. Рассмотрим текст:

- А может ли государство прожить без лжи? – вдруг спросил дьявол, видимо, вспомнив инстанцию, которая нередко отвергает жалобы.
- Может, но ему для этого не хватает мужества. На каждую ложь правительств народ отвечает тысячекратным обманом. Сиюминутная выгода лжи перекрывается огромной невыгодой государства от этого обмана. Но правители этого не понимают.
- ***Кстати***, где сейчас душа Ленина? – неожиданно спохватился дьявол.
- В раю.
- Как в раю? – радостно оживился дьявол.
- Самых буйных борцов я отправляю в рай, – ответил Бог. – Там они испытывают самые адские мучения, видя, что в раю борьба невозможна (Ф. Искандер. Сон о Боге и дьяволе).

Само высказывание, присоединенное с помощью *кстати*, ассоциативно связано с предтекстом, а словосочетание *неожиданно спохватился* подчеркивает внезапность пришедшей на ум говорящему ассоциации. Однако в приведенном фрагменте текста есть еще несколько похожих словосочетаний (*вдруг спросил*, *радостно оживился*), и все они сопровождают высказывания одного и того же персонажа – дьявола. Более того, в остальном тексте находим похожие по семантике слова (*неожиданно вставился*, *выпалил*, *вспомнил* и т. п.), которые сопровождают речь именно этого персонажа. Следовательно, скрепа, находясь в одном ряду с указанными единицами, помогает формировать целый художественный образ в произведении.

Однако наиболее неординарно прагматический «ресурс неожиданности» скрепы *кстати* реализуется в юмористическом тексте. Согласно законам малых юмористических жанров, например афоризмов или анекдотов, именно в последнем

высказывании происходит смена ракурса внимания, необходимая для создания комического эффекта и являющаяся основным механизмом смешного:

- 1) Сейчас актеры не умеют молчать. *А кстати*, и говорить ³;
- 2) Власть всегда держит руку на пульсе жизни народа. *Кстати*, самое эффективное место для прощупывания пульса – горло ⁴;
- 3) Рабинович на улице встречает Гольдберга.
– Сколько лет, сколько зим! Как ваши дела? Чем занимаетесь?
– Спасибо, потихоньку. Вот, засел за мемуары.
– Пишете мемуары? Это замечательно. *Кстати*, вы дошли уже до момента, когда вы у меня 500 рублей заняли? ⁵;
- 4) – Холмс! Вам не странно, что в нашей округе вдруг стало не слышно про собаку Баскервиллей!
– Да, действительно! Я думаю, Ватсон, нам надо обсудить этот вопрос за стаканчиком доброго шотландского виски! *Кстати*, тут недавно открылся уютный корейский ресторанчик ⁶.

Наличие скрепы *кстати* в последнем высказывании текста усиливает комический эффект и подчеркивает, с одной стороны, неожиданность вводимой информации для адресата, а с другой – ее привычность, ординарность для адресанта (говорящий в ней не видит ничего необычного).

Итак, прагматический потенциал текстовой скрепы *кстати* включает в себя четыре компонента: юнкцию (прогностику юнкции), факультативность, субъективность и неожиданность. Каждый из аспектов имеет особенности реализации. Так, юнктивный потенциал несет на себе отпечаток внутренней формы *кстати* и при этом имеет ярко выраженную прогностическую направленность. Факультативность составляет один из осевых смысловых компонентов исследуемого слова, но при этом термин «факультативность» в некоторой степени условен, так как на самом деле скрепа чаще всего вводит важную информацию, но подаваемую говорящим как попутную. Субъективность комментария позволяет говорящему присваивать любой информации статус актуальной, что часто вызывает разночтения в ее оценке продуцентом и реципиентом. Компонент неожиданности позволяет с помощью *кстати* оправдывать резкие смены темы, обуславливает продуктивность сочетания данного слова с «маркерами неожиданности» и делает возможным функционирование указанной служебной единицы в юмористическом тексте.

Все четыре компонента неотделимы друг от друга и образуют неразрывное коммуникативно-прагматическое единство скрепы *кстати*, обуславливающее особенности ее синтаксического функционирования.

Список литературы

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 5–30.

Баранов А. Н., Паршин Б. П. Процедурный метаязык в лингвистической семантике // Изв. АН СССР. 1990. № 1 С. 16–29.

³ <http://www.anekdot.ru/id/143601/> (дата обращения 20.01.2018).

⁴ <http://www.anekdot.ru/id/752456/> (дата обращения 20.01.2018).

⁵ <http://aneki.kz/anekdot/evrei/2183-rabinovich-na-ulice-vstrechaet-goldberga.html> (дата обращения 20.01.2018).

⁶ <http://katushka.net/forum/showthread.php?tid=2070&pid=35958&mode=threaded> (дата обращения 20.01.2018).

- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Перм. ун-та. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселёвой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
- Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 111–137.
- Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. М.: УРСС, 2009. 352 с.
- Кошкарёва Н. Б. Делиберативная скрепа *о том, что* и модель изъяснительных сложноподчиненных предложений // Вестник НГУ. 2015. Т. 14, № 9: Филология. С. 126–137.
- Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К. О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106–120.
- Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
- Откидыч Е. В. Функционирование текстовых скреп *кстати* и *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2017. 199 с.
- Перфильева Н. П. Об одном из активных процессов в области союзных скреп // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2014. № 3 (19). С. 101–110.
- Прияткина А. Ф., Стародумова Е. А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134–141.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 205 с.

E. V. Otkidych

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation
vadimovna001@yandex.ru

Pragmatic potential of the text connector *kstati* (by the way)

The paper investigates the pragmatic potential of the text connector *kstati* (by the way). The author marks the perspective of the general study of the function words and the relevance of the study of the pragmatic potential of some function units in particular. There are four core elements of the pragmatic potential of the word concerned: conjunction, optionality, subjectivity, and unexpectedness, with each element having its realization peculiarities. Thus, the conjunction has an imprint of the underlying form of the text connector *kstati*, and it has a strong cataphoric aspect, expressed in a very specific implementation of the predictive function. Being one of the main components of the semantics of the word considered, optionality is not synonymic to “nonnecessity” of the information being introduced. On the contrary, this information is important, but the speaker considers it as a related one. It is inseparably connected with subjectivity, which equally affects the other three components of the pragmatic potential of *kstati*. Due to subjectivity, an important communicative characteristic of the word under study is realized: an ability to assign the status of “actual” to any information being introduced into the text. It even can provoke a communicative conflict between producer and recipient who are differently estimating the appropriateness of the information introduced. The subjectivity accounts for the fourth component of the pragmatic potential of the text connector *kstati* – unexpectedness. This element turns out to be especially important in the formation of the theme-rhematic progression in a live informal dialog. Also, “the resource of unexpectedness” determines a productive combination of the connector with lexical “marks of unexpectedness” and provides specific functioning in fiction and

humoristic text. The conclusion is made that every component of the pragmatic potential of the word under study has its peculiarities of realization, but all together, they form inseparable communicative and pragmatic unity, determining the syntactic peculiarities of the text connector *kstati*.

Keywords: syntax, pragmatics, pragmatic potential, text connector, text connector *kstati* (by the way).

DOI 10.17223/18137083/70/20

References

- Arutyunova N. D., Paducheva E. V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Backgrounds, problems and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. E. V. Paducheva (Ed.). Moscow, Progress, 1985, iss. 16, pp. 5–30.
- Baranov A. N., Parshin B. P. Protsedurnyy metayazyk v lingvisticheskoy semantike [Procedural metalanguage in linguistic semantics]. *Izvestiya AN SSSR*. 1990, no. 1, pp. 16–29.
- Bogdanova-Beglaryan N. V. Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatemes in everyday oral speech: definition of a concept and general typology]. *Perm University Herald*. 2014, iss. 3 (27), pp. 7–20.
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of a complex sentence]. Novosibirsk, 1987, 205 p.
- Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: the experience of the context-semantic description]. K. Kiseleva, D. Payar (Eds). Moscow, Metatekst, 1998, 447 p.
- Dressler V. Sintaksis teksta [The syntax of the text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1981, iss. 8, pp. 111–137.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Per. s nem.* [Etymological dictionary of the Russian language: transl. from German]. Moscow, Progress, 1971, vol. 3, 827 p.
- Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika: uchebnik* [Linguistic semantics: the textbook]. Moscow, URSS, 2009, 352 p.
- Koshkareva N. B. Deliberativnaya skrepa o tom, chto i model' iz"yasnitel'nykh slozhnopodchinennykh predlozheniy [Deliberative connector o tom, chto and the model of the object clause]. *Novosibirsk State University Bulletin*. 2015, vol. 14, no. 9: Philology, pp. 126–137.
- Kreydlin G. E., Polivanova A. K. O leksikograficheskom opisani sluzhebnykh slov russkogo yazyka [On lexicographic description of the accessory words of the Russian language]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1987, no. 1, pp. 106–120.
- Lyapon M. V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutri-tekstovyykh otnosheniy* [Meaning structure of the composite sentence and the text. To the typology of the intra-text relations]. Moscow, Nauka, 1986, 200 p.
- Otkidych E. V. *Funktsionirovanie tekstovyykh skrep kstati i mezhdru prochim v monologicheskom i dialogicheskom tekste* [Functioning of the text connectors “kstati” and “mezhdru prochim” in monological and dialogical text]. Cand. philol. sci. diss. Vladivostok, 2017, 199 p.
- Perfil'eva N. P. Ob odnom iz aktivnykh protsessov v oblasti soyuznykh skrep [About one of the actual process in conjunctive connectors area]. *The Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014, no. 3 (19), pp. 101–110.
- Priyatkina A. F., Starodumova E. A. Tekstovye skrepy v “Slovere sluzhebnykh slov” [Text connectors in the Dictionary of Accessory Words]. *Siberian Journal of Philology*. Novosibirsk, 2015, no. 2, pp. 134–141.
- Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1978, iss. 8, pp. 402–421.